РАЗДЕЛ 2.

ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПРАКТИКА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РОССИИ

DOI: 10.33276/978-5-8211-0773-2-81-96

Б.А. Ерзнкян, А.Г. Аветисян, Г.А. Аветисян

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА СОВРЕМЕННОЙ АРМЕНИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ ПОДКРЕПЛЕНИЯ

Институциональная среда, или система, современной Армении характеризуется многими особенностями, присущими переходным экономикам, включая разнообразные институциональные ловушки. В то же время, наличие такого фактора как многочисленная и влиятельная диаспора, разбросанная по всему свету, придает внутренней институциональной системе внешнее измерение, способное существенно повлиять на развитие самой системы. Вектор этого влияния и степень его интенсивности может варьироваться – от пассивного до активного. Происходящие в стране радикальные институциональные сдвиги в результате «бархатной революции» вселяют надежду – при всех опасениях – на реформирование институциональной системы в направлении построения порядков свободного доступа с высоким уровнем доверия, минимизацией транзакционных издержек взаимодействия и активизацией потенциала диаспоры как действенного фактора институционального подкрепления.

Ключевые слова: институциональная система, социальные порядки, институциональное подкрепление, доверие, транзакционные издержки, диаспора, перспективы развития, Армения.

JEL классификация: E52, E58, G21, O16, O23, P51.

ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ АРМЕНИИ

Институциональной системе Армении как страны на постсоветском пространстве присущи многие изъяны, доставшиеся в наследство с советских времен и ставшие продуктом уже постсоветского периода. Если говорить кратко, самый большой изъян кроется в ограниченности доступа для широких масс населения к экономической и политической деятельности в рамках сформировавшихся *социальных порядков* (social orders) – то, что характеризуется понятием *порядков ограниченного доступа* (ПОД) (limited access orders, LAO). Коррупция и прочие негативные явления суть если и не выражения исключительно ограниченного характера социальных порядков, то, во всяком случае, сопровождающие порядки такого рода их типичные проявления. Здесь и далее, что касается связанного с социальными порядками терминологии, мы делаем отсылку к работам Норта и его коллег (North, Wallis, Webb, Weingast, 2010; Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011; Норт, Уоллис, Уэбб, Вайнгаст, 2012).

Драматические события, начавшиеся в Армении весной 2018 г., судя по восприятию абсолютным большинством граждан страны, были как раз реакцией на такой

характер установившихся порядков. Требования покончить с коррупцией мы увязываем именно с запросом общества на установление *порядков свободного* (дословно открытого) *доступа* (ПСД) (open access orders, ОАО) или на приближение к ним, что не исключает, разумеется, и возможности манипулирования – будущее покажет – общественными устремлениями и желаниями.

В то же время, есть все основания полагать, что проводимые в стране и главным образом в ее институциональной системе преобразования носят исторический характер. Как будет совершенствоваться институциональная матрица страны, как будут приниматься адекватные поставленным целям и задачам институциональные решения – все это является предметом живого обсуждения. На новую политическую элиту, пришедшую к власти бескровным путем в результате всенародного движения, возлагается большая ответственность – оказаться в состоянии решить системные проблемы общества. В их число, в частности, входят: кардинальное снижение транзакционных издержек в экономике, обеспечение наиболее эффективного способа задействования ресурсного потенциала страны и ее диаспоры в реализации стратегии, призванной обеспечить устойчивое экономическое развитие и рост благосостояния граждан.

Излагаемые в настоящей статье идеи и подходы, методологические воззрения, базирующиеся во многом на достижениях новой институциональной экономики, хорошо корреспондируются с программными заявлениями лидера «бархатной революции», а ныне премьер-министра Республики Армении, Никола Пашиняна.

По-существу, вместо длительного эволюционного процесса у Армении появился исторический шанс на революционный рывок в развитии. На позитивные ожидания в успехе осуществления такого рывка действуют два важнейших фактора: во-первых, очевидная политическая воля новой власти на ее осуществление и, во-вторых, колоссальный и беспрецедентный уровень доверия к новому руководству страны со стороны населения – фактор, начисто отсутствующий в последние два десятилетия. При этом уровень необычайного воодушевления, солидарности и сплочения, ожиданий быстрых и позитивных изменений у населения сравним, разве что, только с началом девяностых годов прошлого столетия. Тогда власть не оправдала ожиданий народа, и на смену воодушевлению быстро пришел черед всеобщей апатии и озлобленности, приведший к массовой эмиграции – вызванной экономическими и морально-политическими соображениями – большого числа граждан страны.

Справедливости ради надо признать, что ситуация девяностых была по многим объективным причинам гораздо более неблагоприятной для осуществления революционных перемен. Среди причин можно отметить: активную фазу широкомасштабной войны в Арцахе; транспортную и энергетическую блокаду; последствия разрушительного Спитакского землетрясения 1988 г., повлекшего за собой не только колоссальные человеческие потери и трагедии, но и потерю примерно трети производственно-экономического потенциала страны; тысячи бескровных беженцев, бежавших от ужасов войны и геноцида и т.д. Действующая тогда власть не пользовалась тепереш-

ним одобрением и политической поддержкой со стороны внешних сил, ведущих стран мирового сообщества, и этом притом, что мотивы у них могут разные.

Очевидно, что современная ситуация несоизмеримо более благоприятная для проведения успешной институциональной и экономической политики реформ, чем в девяностые годы прошлого века. В самом деле, выросло качество жизни населения, созданы развитые институты экономической и политической жизни страны, однако, в условиях зачастую отсутствующего должного инфорсmenta действие этих институтов во многом было неэффективным и формальным, экономика функционировала в поле множества институциональных ловушек, включая ловушку упущенных выгод.

Тем не менее, наличие достаточно развитых институтов гражданского общества и вовлеченность в их деятельность большей части молодежи – все это вместе взятые создали определенные предпосылки для вынужденного исполнения действующей властью норм формальных институтов политических свобод и, тем самым, предопределили успешность «бархатной революции». Однако, она, конечно, еще не завершилась и для ее эффективного продолжения необходимо без снижения темпов приступить к разработке программы институциональных реформ и стратегии ее реализации. Но чтобы реформы были бы реализуемы и реальны, необходима в первую очередь инвентаризация имеющихся ресурсов и опора в большой степени на специфические ресурсы Армении – как материальные, так и нематериальные.

В современных условиях резко возрос фактор жесткой межстрановой конкуренции в борьбе за ресурсы и рынки. Поэтому проведенные нами исследования были направлены на выявление специфических ресурсов Армении в межстрановой конкуренции на мировом рынке и разработку предложений и рекомендаций по институциональному обеспечению эффективного задействованию потенциала развития страны, во многом обусловленного наличием такого ресурса.

В качестве такого нематериального ресурса для Армении выступает огромная для масштабов страны диаспора. Очевидно, что задействование подобного рода ресурса не может быть эффективно осуществлено без соответствующей государственной институциональной политики.

Впервые понятие специфичности ресурсов было введено в экономическую теорию применительно к инвестициям в человеческий капитал Г. Беккером в 1964 г., обратившим внимание на то, что некоторые знания и навыки имеют более высокую ценность в данных отношениях найма, чем другие (Беккер, 2003, с. 48–49). Если ресурс представляет интерес для многих производителей, и его рыночная ценность мало зависит от того, где он используется, то это ресурс общего назначения. Специфическим является тот ресурс, который в случае прерывания сделки не может быть использован в других проектах без ущерба для своей экономической ценности.

В дальнейшем, представления о специфических ресурсах были углублены и развиты Оливером Уильямсоном (1996), определившим специфические активы (ресурсы) как результат специализированной инвестиции, перепрофилирование которых

в случае провала сделки будет весьма затруднительным. Первоначально им было выделено четыре вида специфических ресурсов, после были добавлены еще два:

- специфичность местоположения, связанная со слишком большими издержками перемещения ресурса;

- специфичность физических активов (*physical asset specifisity*), когда осуществлены инвестиции в оборудование с определенными характеристиками, которое имеет меньшую ценность при его использовании в других проектах (здесь использовалась работа;

- специфичность человеческого капитала (*human asset specificity*), когда в результате обучения на рабочем месте работники приобретают специфические знания и навыки, которые имеют ценность только для данной фирмы и обесцениваются при потере работы в ней;

- специфичность целевых или «предназначенных» активов (*dedicated assets specifisity*), где, хотя капиталовложения идут в ресурсы общего пользования, однако они предназначены для одного-единственного конкретного пользователя;

- специфичность временная (*temporal specificity*), для которых существенное значение имеет координация производства (этот вид специфичности впервые был рассмотрен американским экономистом, видным представителем неoinституциональной теории С.Мастеном и его соавторами в (Masten, Meehan, Snyder, 1991) при анализе издержек организации военно-морского судостроения для того, чтобы подчеркнуть центральную роль времени и координации в этом виде деятельности);

- специфичность репутации, торговой марки (*brand name spesifisity*) – это невозвратные инвестиции в создание репутации или в торговую марку, которые теряют свою ценность, если товары или услуги фирмы окажутся низкого качества.

Нам представляется, что этот список отнюдь не является окончательным, и он может быть дополнен, в частности, ресурсом наличия диаспоры. Этот вид специфического ресурса, который полностью соответствует общему определению О.Уильямсона, возможно, не имеет такого широкого распространения (и в этом смысле он по-настоящему уникален, специфичен), но имеет большое значение для таких сверхкрупных и малых стран. Возьмем, к примеру, с одной стороны, Китай и Индию, а с другой – Армению и Израиль; они занимают соответственно первую–вторую и шестую–седьмую строчки в рейтинге стран по численности диаспор в абсолютном выражении.

В работе (Аветисян А., Аветисян Г., Ерзнкян Б., Ерзнкян М., 2017) представлен институциональный аспект анализа взаимодействия отмеченных стран со своими диаспорами и освещены механизмы повышения эффективности взаимодействия. В частности даны рекомендации по Армении, поскольку отсутствие соответствующих институциональных решений может привести к постепенному снижению экономической ценности диаспоры как специфического ресурса.

Кстати говоря, для Армении, как и для Израйля, этот вид специфичного ресурса, в условиях относительной скудности человеческих и природных ресурсов, гораздо бо-

лее критичен, чем для других стран. Надо отметить также, что в публичных выступлениях представителей новосформированного правительства, в том числе нового министра по делам диаспоры, наряду с поставленной целью обеспечения условий для широкомасштабной репатриации армян на историческую Родину, ставится не менее важная задача существенного повышения степени вовлеченности диаспоры в политическую и экономическую жизнь Армении. Сделать это предполагается путем задействования капитала диаспоры – человеческого потенциала, финансов, знаний, навыков, связей.

В целом рассуждения о задействовании потенциала специфических ресурсов обуславливают *достаточные условия* развития страны. Что касается *необходимых условий*, то к ним можно отнести: реформы, направленные на снижение транзакционных издержек, обусловленных такими институциональными ловушками, как коррупция, недобросовестная конкуренция, монополизм, квотирование и монополизация сфер деятельности во внешнеторговой сфере и т.п. Примеры их выявления, оценки и измерения транзакционных издержек, в том числе упущенной выгоды приведены в работе (Аветисян, Ерзнкян, 2014).

ИЗМЕНЕНИЕ СУТИ И МЕХАНИЗМОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Об апрелевских событиях 2018 г. в Армении мы говорили в терминах [бархатной] революции. Обоснованием может служить то, она выразилась в радикальном, коренном, глубоком и, главное, качественном изменении, в скачке в развитии общества. Эти изменения произошли в первую очередь в институциональной среде Армении, поэтому с политэкономической точки зрения по достигнутым на текущий момент целям революцию в Армении можно охарактеризовать термином – «институциональная революция» (в отличие от институциональной эволюции).

В первую очередь надо отметить, что результатом революции можно считать коренное изменение сути и механизмов государственного управления. По-существу, она наконец-то наполнила конкретным содержанием ст. 2 Конституции Республики Армения, которая гласит, что власть «в Республике Армения принадлежит народу».

Новое правительство, устами его главы Никола Пашиняна, на грандиозном по своим масштабам митинге 17 августа 2018 г. в Ереване, посвященном первым ста дням своего правления, заявило, что правительство в первую очередь подотчетно не парламенту, а народу. Сам факт такого заявления именно на главной площади Еревана – площади Республики – символичен, и он словно возвращает понятие демократического управления к самим истокам возникновения «демократии» в древней Греции с политической культурой общегражданских собраний на агорах – главных площадях городов-полисов. Примечательно, что Никол Пашинян заявил о намерении формирования новой в современных условиях политической культуры периодического проведения таких агор в Армении. Одновременно было заявлено, что проекты, судьбоносные для страны и народа (такие как, например, внесение изменений в Конституцию Армении или касающиеся судеб Арцаха), будут выноситься на всенародное обсуждение путем проведения референдумов.

Такого рода заявления нового правительства в корне противоположны образу действий прежних властей на протяжении как минимум последних двух десятилетий. Можно констатировать фундаментальное по своей сути и содержанию изменение институциональной среды Армении в сфере государственного управления. Основной характеристикой такого изменения можно считать создание механизмов обратной связи с народом, выражаясь в терминах кибернетического управления, можно утверждать, что сделан первый шаг к переходу модели управления Армении от разомкнутого типа к более эффективной модели замкнутого типа с отрицательной обратной связью.

Изложенное имеет прямое отношение к экономическому развитию Армении, поскольку создает атмосферу доверия народа к действиям властей, к осознанию и принятию им факта их легитимности, что в свою очередь способствует созданию необходимых условий для эффективного проведения экономических и политических реформ, которые зачастую могут быть болезненными и непопулярными для определенных групп общества. Тем самым власти, по-существу, получают кредит доверия для осуществления непопулистских, но объективно необходимых экономических реформ. Одновременно в обществе разрушается атмосфера апатии и безысходности, ее невовлеченности в происходящие в стране процессы.

Вдобавок действия переходного правительства в первые сто дней своего функционирования показали его неукоснительную волю по искоренению всех проявлений коррупции, казнокрадства, уклонения от налогов, недобросовестной конкуренции, монополизма, государственного квотирования по сферам деятельности и конкретным лицам и фирмам, т.е. революционных институциональных изменений по минимизации транзакционных издержек, обусловленных институциональной средой. Впервые на территории бывшего СССР была продемонстрирована эффективность институтов при неотвратимости инфорсmenta для их нарушителей. Все это предопределяет обоснованность ожиданий властей по поводу возрастания уровня доверия между властью и потенциальными, а также уже действующими на территории страны инвесторами, как внутренними, так и зарубежными, в том числе (что особенно важно) представителями диаспоры. Поэтому ожидания властей, связанные с всплеском притока инвестиций в экономику страны, выглядят, на наш взгляд, весьма убедительно.

Представляется, что на данном этапе институциональной революции наиболее слабым звеном является обеспечение гарантий защиты прав собственности, поскольку функция обеспечения механизма инфорсmenta при этом из сферы действий исполнительной власти, где может проявиться революционная воля новых властей, практически полностью переходит в сферу действий судебной власти, доставшейся в наследство от прежней коррумпированной системы.

Переходное правительство неоднократно декларировало и демонстрировало на практике, что категорически воздерживается от какого-либо воздействия на судебные власти с целью их принуждения к принятию конкретных судебных решений, обеспечивая тем самым одно из важнейших требований к формированию институциональной

среды для функционирования действительно рыночной эффективной экономики. С другой стороны, доставшаяся в наследство судебная система, будучи органичной частью коррумпированной системы, не имеет каких либо мотиваций к внутреннему самоочищению и реформам. Таким образом, возникает довольно уникальная и парадоксальная по своей сути и тупиковости ситуация в ходе институциональной реформы.

Этот парадокс может быть охарактеризован понятием институциональной ловушки нового типа: она порождается самим фактом проведения институциональной реформы ... по искоренению институциональных ловушек! Ведь в прежних, доапрелевских, рекомендациях соответствующих международных организаций, которые, по всей вероятности, базировались на концепции о неизменности существующих социальных порядков и политического режима и необходимости эволюционной институциональной реформы, важнейшим требованием было только обеспечение независимости ветвей власти – судебной и исполнительной. Эти рекомендации, безусловно, не могли ориентироваться на возможность осуществления институциональной революции и, соответственно, иметь в виду появление такого типа институциональной ловушки и вариантов ее разрешения.

В свете вышеописанной проблемы следует отметить, что при подготовке своих рекомендаций международные организации не могли опираться на опыт иных революций, например, на Украине, в Грузии или Киргизии, поскольку там не было даже намека на проведение каких-либо существенных шагов по обеспечению принципа независимости судебной власти. Приходится констатировать, что сложившаяся ситуация в Армении носит в своем роде уникальный характер. При этом, что обнадеживает, новое правительство вполне осознает важность и сложность обозначенной проблемы и в качестве возможности ее разрешения предлагает ввести новый институт – переходного правосудия. Предположительно, он должен не подменять собой действующий институт судебной власти, а способствовать разрешению парадоксальной институциональной ситуации, притом что механизмы и организации для нового и, очевидно, сложного института переходного правосудия предстоит еще разработать.

Основные надежды на возможность успешного решения выявленной задачи, как и других задач, которые могут возникнуть по ходу проведения реформ, будут связаны не только с политической волей и интеллектуальными возможностями нового правительства, но и с ожидаемым ростом уровня доверия.

Необходимо отметить, что доверие в институциональной экономике является фундаментальным фактором по снижению трансакционных издержек, под которыми подразумеваются все издержки, сопутствующие непосредственной деятельности фирм по выпуску своей продукции (товаров и услуг), а индивидов – по ее потреблению: это издержки поиска информации, проверки и подписания контрактов, обслуживания клиентов, защиты прав собственности. К этому добавим еще и издержки взаимодействия с членами общества, в котором проистекает экономическая деятельность, все многочисленные следствия недоверия, которые по своей экономической сути аналогичны во

многом введению дополнительного налога на разнообразные формы экономической деятельности (Фукуяма, 2004). В контексте нашего исследования это равнозначно тому, что недоверие является следствием высоких транзакционных издержек, порождаемых такими институциональными ловушками, как коррупция, сращивание бизнеса и власти, недобросовестная конкуренция и пр.

Все они – по отдельности и, тем более, вместе взятые – приводят к падению уровня активности инвесторов (внутренних и внешних, в том числе из диаспоры). Таким образом, можно утверждать, что понятие доверия относится к числу фундаментальных экономических категорий, характеризующих уровень развитости экономики. По существу, уровень развития страны зависит от ее национальной стратегии, базирующейся на доверии, ибо это единственно возможный вариант обеспечения ее инвестиционной привлекательности.

С институциональной точки зрения, уровень развития экономики той или иной страны можно охарактеризовать по степени минимизации транзакционных издержек общества, в формировании которых значительную роль играет уровень доверия. Безусловно, нулевой уровень транзакционных издержек на практике недостижим, как и невозможна физическая природа без сил трения. Однако, стремиться к их минимизации необходимо для приближения к описанию среды фундаментальными экономическими законами (как и в физике безвоздушного пространства).

Хотелось бы остановиться на очень знаменательном факте: на представлении в Национальном Собрании РА только что сформированным в результате революции правительством своей программы, которая как по форме, так и по содержанию была революционной и непривычной для парламентариев по сравнению со всеми правительственными программами за все годы обретения Арменией независимости. В этой программе не было обилия цифр по примеру предыдущих программ (хотя они, по существу, практически никогда и не достигались), отражающих целевые показатели экономической политики, но зато в ней четко были очерчены краеугольные камни институциональной политики, которую новое правительство обязывалось проводить. Упомянутым парламентариям, как, впрочем, и большинству представителей элиты экономической мысли в Армении, было невдомек, что вклад институциональной политики в экономическое развитие страны несоизмеримо выше, чем даже самой идеальной экономической политики.

Еще в 1998 г. Всемирным Банком было проведено масштабное исследование, охватывающее данные по 84 странам за период 1982–1994 гг., целью которого было выявление степени влияния качества экономической политики и качества институциональной среды на экономический рост, измеряемый показателем роста реального ВВП на душу населения (Keefer, Shirley, 1998). В роли показателей оценки качества экономической политики выступали: уровень инфляции, собираемость налогов и открытость для внешней торговли. Качество институциональной среды оценивалось степенью защищенности прав собственности и контрактов, которая измерялась индикато-

ром, разработанным в Международном руководстве по оценке страновых рисков, включающих, в свою очередь, многочисленные оценки, объединяемые в пять групп:

- 1) власти закона;
- 2) риска экспроприации собственности;
- 3) отказа от исполнения контрактов со стороны правительства;
- 4) уровня коррупции во властных структурах;
- 5) качества бюрократии в стране.

В процессе исследования Ф.Кифер и М.Ширли построили типологию стран по значениям отмеченных индикаторов, выделив по две градации уровня – высокого и низкого, определив затем для каждой из сформировавшихся групп средние значения показателя экономического роста.

Приведем результаты этого анализа, ранжированные по группам стран и темпам экономического роста:

- высокое качество экономической политики и высокое качество институтов – темп экономического роста – 2,4%;
- низкое качество экономической политики и высокое качество институтов – 1,8%;
- высокое качество экономической политики и низкое институтов – 0,9%;
- низкое качество обоих факторов – 0,4%.

В итоге было показано, что страны с неадекватной экономической политикой, но качественной институциональной средой росли в среднем вдвое быстрее, чем страны с обратной комбинацией уровня качества соответствующих факторов.

Есть основания предполагать, что выводы из приведенного анализа могут быть распространены и на Армению. *Raison d'être* таков: несмотря на негативную реакцию на новый формат программы правительства представителей депутатского корпуса парламента, составляющего пока его большинство и представляющего уходящую с политической арены правящую элиту, новое правительство совершенно правильно и своевременно придает в процессе программирования развития страны главенствующую роль именно цели обеспечения высокого качества институциональной среды как главному фактору обеспечения устойчивых и высоких темпов экономического роста и развития страны.

Безусловно, представленные умозаключения отнюдь не умаляют необходимость проведения адекватной экономической политики, в том числе макроэкономической. В этой связи, следует особо отметить в высшей степени профессиональные и адекватные действия ЦБ Армении, что ярко проявилось в период бурных, хотя и мирных по своему характеру, акций народного неповиновения в апреле 2018 г., а также в процессах становления нового правительства и первых его шагов в течение пресловутых ста дней. Вопреки ожиданиям (возможно, и желаниям) определенных сил внутри страны и за ее пределами, банковская система Армении проявила свою устойчивость и зрелость, что в немаловажной степени обеспечило стабильность как в экономике, так и в обществе. Этим самым она внесла свой вклад в обеспечение позитивных явлений в

экономике страны в этот период, как в части уровня инфляции, роста экономической активности, так и в отсутствии даже намека на проявления неуверенности, а уж тем более, панических настроений среди населения, что проявилось в росте депозитов и кредитования в банках. Надо признать, что такая картина не очень-то характерна для большинства стран в период революций.

В этой связи было параллельно проведено исследование особенностей банковской системы Армении, базирующееся на институциональном анализе ее места и роли в транзакционном секторе экономики, проблем и перспектив ее развития с точки зрения выделения в ней экзогенных и эндогенных составляющих транзакционных издержек и задач управления ими. Новая политика должна стать такой не только в связи с кардинальным улучшением институциональной среды, но и качественно новыми результатами с точки зрения уровня и качества экономического роста. Вместе с тем, в экономической политике надо резко увеличить проектную составляющую, основанную на разработке крупных инвестиционных проектов, базирующихся на анализе ресурсов и реализуемости, и в дальнейшем предлагаемых или рекомендуемых государством для их осуществления негосударственным, частным сектором.

При этом следует освободиться от определенных догм, вытекающих из слепого следования положениям неоклассической экономики или рекомендаций международных организаций, которые не учитывают реальное положение дел и специфику стран – реципиентов рекомендаций.

Если проанализировать их с точки зрения механизмов и решений в процессе исторического развития наиболее благополучных на данный момент стран (например, переломные капиталистические страны в своей истории наиболее высокими темпами развивались в период между 1950-и и 1970-и годами, когда действовало множество ограничивающих правил и высоких налогов; а экономический успех Сингапура был достигнут, несмотря на то, что вся земля в Сингапуре находится в собственности правительства, 85% жилья предоставляется государственными агентствами жилья, а 22% национального продукта производится государственными предприятиями, в то время как средний показатель в мире составляет около 10% (Ха-Джун Чанг, 2018, с. 33–35). Эти примеры предостерегают от некритического заимствования, или импорта, институтов и акцентируют внимание на выбор адекватного вектора развития институциональной системы.

ВЕКТОР ИЗМЕНЕНИЙ – ПОРЯДКИ СВОБОДНОГО ДОСТУПА

Для выбора вектора развития и разработки эффективной стратегии институциональных преобразований необходимо в корне изменить «аксиоматику прошлого», иными словами, «те убеждения, ту систему взглядов, то мировосприятие, на которых основывались до последнего времени наши действия, базировалось развитие общества» (Моисеев, 1998, с. 63). Это означает, что нужна новая институционализация общества, включающая как развитие неформальных (убеждения и пр.), так и формальных (право, механизмы принуждения к исполнению и пр.) институтов, способных в их

системной целостности содействовать социально-экономическому развитию страны (Ерзнкян, 2014, с. 24).

Обратимся в этой связи к социальным порядкам, которые в хронологически последовательной классификации Норта и др. делятся на три типа (при этом внимание авторов фокусируется на двух последних из них с акцентом на условия – одностороннего [движения вспять зафиксировано еще не было] – перехода между ними):

– порядки, предшествующие государственным (порядки, свойственные примитивным общественным образованиям охотников и собирателей);

– естественные государства (*natural states*), они же порядки ограниченного доступа (*limited access orders, LAO*) (ПОД);

– порядки открытого (*open access orders, OAO*), или свободного доступа (для удобства передачи русской аббревиатуры) (ПСД).

Для нас интерес представляет рассмотрение основных характеристик и отличительных признаков социальных порядков с двумя типами государственного и правового устройств – *ограниченного* (табл. 1) и *открытого*, или *свободного* (табл. 2), доступа.

Таблица 1

Порядки ограниченного доступа и им подобные структуры

Порядки и пр.	Характеристики	Примеры стран
Естественное государство (понятие, синонимичное порядкам ограниченного доступа) (по Норту и др., 2011)	Медленно растущие экономики, чувствительные к потрясениям. Политическое устройство, которое не основывается на общем согласии граждан. Относительно небольшое число организаций. Менее крупные и более централизованные правительства. Господство социальных взаимоотношений, организованных при помощи личных связей, включая привилегии, социальные иерархии, законы, которые применяются не ко всем одинаково, незащищенные права собственности и распространенное представление о том, что не все люди были созданы равными	Развитые страны до их перехода к открытому доступу. Развивающиеся страны. Переходные страны, включая Россию
Экстрактивное государство (по Acemoglu, 2002, 2012)	Наличие расовых и сословных границ. Военная элита <i>versus</i> трудовое население. Насилие как инструмент получения элитой доходов. Революция вместо модернизации. Отсутствие в долгосрочной перспективе экономического роста	Россия времен крепостного права. Колониальные страны Африки, Центральной Америки, Карибского бассейна и Южной Азии, служащие европейцам для извлечения (экстракции) ресурсов
Синтетический строй государства (по Ерзнкяну)	Связанность рациональных и нерациональных элементов государственного устройства и социальных порядков	Россия

Источник: Норт и др., 2011, с. 54; Acemoglu, 2002, p. 10; 2012, p. 15; Ерзнкян, 2015.

Порядки свободного доступа и им подобные структуры

Порядки и пр.	Характеристики	Примеры стран
Демократическое государство (порядки свободного доступа) (по Норту и др., 2011)	Политическое и экономическое развитие Экономика, которая меньше страдает от отрицательного роста Сильное и динамичное гражданское общество с большим числом организаций Более крупные и более децентрализованные правительства Широкое распространение безличных социальных взаимоотношений, включая верховенство права, защиту права собственности, справедливость и равенство – все аспекты равноправия	Англо-американские (США, Великобритания, Канада и пр.) Западноевропейские (Франция, Германия и пр.) Восточноазиатские (Япония, Южная Корея, Тайвань)
Инклюзивное государство (по Acemoglu, 2012)	Отсутствие расовых и сословных границ Меритократия как основа формирования непрерывно меняющейся элиты Торг как основа получения элитой налогов Модернизация вместо революции Долговременный экономический рост	Бывшие колонии, в которых европейцы селились в массовом порядке и где функционировали европейские институты (США, Канада, Австралия, Новая Зеландия как наиболее яркие примеры инклюзивного государства)
Аналитический строй государства (по Ерзнкяну)	Изолированность, атомарность и рациональность элементов государственного устройства и социальных порядков	Англосаксонские страны

Источник: Норт и др., 2011, с. 54; Acemoglu, 2012, p. 15; Ерзнкян, 2015.

Порядки ограниченного доступа (limited access orders) Норт и др. называют также по-другому – естественными государственными. При этом они проводят разграничение между своим видением естественности и таковым у Гоббса. «Естественное государство» они передают в оригинале словосочетанием «*the natural state*», которое выступает синонимом порядкам ограниченного доступа, в то время как описанному Гоббсом «естественному состоянию» соответствует английское выражение «*the state of nature*». В последнем случае «масштаб организации и возможности человеческой организации крайне малы и нет государства», в то время как в первом – именно государство и выступает «устойчивой формой более крупных социальных организаций, возникшей пять-десять тысяч лет тому назад» (Норт и др., 2011, с. 56).

Порядки открытого доступа приходят на смену – при наличии ряда условий – порядкам ограниченного доступа, имеющим тенденцию к длительному существованию (85% населения мира живет ныне в них) вследствие способности государ-

ства оказывать содействие влиятельным индивидам в формировании господствующей коалиции в их собственных интересах. Делается это «таким образом, чтобы ограничить насилие и сделать возможным устойчивое социальное взаимодействие более крупного масштаба» (Норт и др., 2011, с. 56).

Модели социальных порядков не статичны: коль скоро общества подвержены изменениям, происходящим под влиянием разнообразных [эндогенных и экзогенных] факторов, их описание не может не быть принципиально динамичным, если, конечно, мы хотим добиться релевантного описания их устройства во времени и, добавим, пространстве. Важно отметить, что речь идет о динамике социальных изменений, что не предполагает с неизбежностью прогресса (Норт и др., 2011, с. 55).

Таблица 3

Типы порядков ограниченного и свободного доступа

Тип	Экономические организации (ЭО)	Политические организации (ПО)	Емкость, способность к насилию (violence capacity, VC)
Хрупкие ПОД (Афганистан, демократическая республика Конго, Гаити)	ЭО и ПО не очень-то различимы, за исключением	возможно, многонациональных фирм в хрупких ПОД	Все организации способны к насилию; гражданские и военные нечетко отделены
Базовые ПОД (СССР, Саудовская Аравия, Танзания 1970–1990-е гг., Мексика 1940–1980-е гг.)	Все ЭО – публичные или «частные» – связаны с коалицией, некоторые связаны с МНК	ПО контролируются государством – однопартийным или диктаторским. Оппозиция под угрозой	Многие VC организации – государственные, даже негосударственные обладают VC
Зрелые ПОД (Мексика с 1990-х гг., Бразилия, ЮАР, Индия, Китай)	Многие частные фирмы, некоторые МНК. Эффективно ограниченный вход, политически связанный	Много ПО, но зависящие от центра. Демократический процесс, если имеется, не может соперничать	Почти все VC контролируются государством
ПСД (Западная Европа, США, Канада, Япония)	Частные фирмы. Нет препятствий для создания ЭО и получения правовой поддержки государства	Никакой дискриминации для граждан учредить ПО или войти в нее	Нет негосударственных организаций, наделенных VC

Источник: North et al. 2010, p. 18–19.

В случае революционных институциональных изменений, как в ситуации с ориентацией на построение в Армении порядков открытого доступа, важно иметь в виду возможность институционального подкрепления, которое в общем случае может быть как со знаком «плюс», так и со знаком «минус» (Ерзнкян, 2017). Это понятие (institutional reinforcement) используется для передачи силы и характера воздействия институтов на их носителей, интенсивность которых со временем может претерпевать изменения. Концепция была разработана *inter alia* в трудах А.Грейфа (2013) применительно к способности институтов оказывать как стимулирующее, так и тормозящее воздействие на поведение экономических агентов. В последнем случае изменения мо-

гут привести к подрыву институциональной системы вместо ее развития. Как правило, такого рода изменения сопровождаются экзаптацией, «когда институт после его внедрения в эволюционно сложившуюся институциональную организацию экономики выполняет функции, которые не планировались и не учитывались при его импорте или выращивании» (Вольчик, Бережной, 2012, с. 166).

Особенно это касается упомянутого ранее института переходного правосудия. То что правительствам, нацеленным на создание рыночной экономики, следует в первую очередь «оформить эффективную юридическую систему, с помощью которой четко определяются права собственности, легко защищаемые и обмениваемые» (Rapaczynski, 1996, p. 89), можно считать общим местом. Институт, о котором мы говорим, является промежуточным, по выражению В.М.Полтеровича, и он должен быть подкреплён адекватными именно ему институтами. Сделать это нелегко, но необходимо. Уповать на то, что даже «если правительство ошибется с первоначальным распределением прав собственности, согласно теореме Коуза, частные агенты исправят эту ошибку в процессе свободных обменов, заключая соответствующие частные контракты» (Rapaczynski, 1996, p. 89) либо на что-то в этом духе контрпродуктивно.

Наше убеждение базируется на том, что такого рода упования ни к чему продуктивному не приводят. Вспомним слова лауреата Нобелевской премии Джозефа Стиглица о широко распространенных затруднениях и несостоятельности экономических преобразований в переходных странах: «В основе некоторых из этих заблуждений была наивная вера в Коузовы процессы – в то, что, как только права собственности будут распределены надлежащим образом, станут развиваться эффективные институциональные условия. Такая вера игнорировала как общие теории, которые предполагали возможность существования неэффективного институционального равновесия по Нэшу, необязательность эффективности эволюционных процессов, так и проблематичную природу прав собственности» (Стиглиц, 2001, с. 114). Сделаем также отсылку к статье (Ерзнкян, 2005), посвященной критическому анализу теоремы Коуза и марипулированию ею в идеологических целях.

Важно еще подчеркнуть различие между стационарными и нестационарными экономиками, которые семантически близки к порядкам соответственно открытого и ограниченного доступа. В стационарной экономике институциональное подкрепление с любым знаком на устойчивость системы в целом не влияет. Иное дело – нестационарная экономика (Лившиц, 2013), в которой заимствуемые формальные институты, будучи не или слабо конгруэнтными с неформальной институциональной системой, зачастую оказываются в роли институтов, подрывающих ткань институционального устройства экономики страны-реципиента.

В терминах психологической теории Б. Скиннера, где общее понятие подкрепления передается как *conditioning*, а частные – как *reinforcement* (усиление) и *punishment* (наказание, ослабление) соответственно, ослабление (подрыв) является именно наказанием, что в случае нестационарных экономических систем является таковым и в

буквальном, и в метафорическом смысле. Тот факт, что внешние (*extrinsic*) выгоды в состоянии контролировать поведение индивида и могут быть использованы в качестве мотивационных стратегий (Skinner, 1953), следует принимать во внимание наравне с фактом институционального подкрепления при формировании государственной, в частности инновационной, политики, тем более в условиях активизации внешних негативных факторов. Игнорирование этого чревато последствиями в виде отрицательного институционального подкрепления, приводящего в итоге к дисфункции – и так не страдающей стационарностью – экономической системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аветисян А.Г., Аветисян Г.А.* Теоретические вопросы трансакционных издержек в банковской деятельности // Теория и практика институциональных преобразований в России: сборник научных трудов / под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 25. М.: ЦЭМИ РАН, 2012. С. 67–75.
2. *Аветисян А.Г., Аветисян Г.А., Ерзнкян Б.А., Ерзнкян М.Б.* Институциональный подход к задействию инвестиционного потенциала диаспоры в экономическом развитии Армении (с импликациями для России) // Теория и практика институциональных преобразований в России: сборник научных трудов / под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 40. М.: ЦЭМИ РАН, 2017. С. 106–119.
3. *Аветисян А.Г., Ерзнкян Б.А.* Трансакционные издержки защиты прав собственности (на примере банковской системы Армении) // Теория и практика институциональных преобразований в России: сборник научных трудов / под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 30. М.: ЦЭМИ РАН, 2014. С. 133–140.
4. *Беккер Г.* Человеческое поведение. Экономический подход. М.: ГУ–ВШЭ, 2003.
5. *Вольчик В.В., Бережной И.В.* Отбор и экзактация институтов: роль групп специальных интересов // *Архипов А.Ю., Кирдина С.Г., Мартишин Е.М. (ред.).* Эволюционная и институциональная экономическая теория: дискуссии, методы и приложения. Гл. 8. СПб.: Алетейя, 2012. С. 165–187.
6. *Грейф А.* Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013.
7. *Ерзнкян Б.* Постсоциалистическая приватизация и корпоративное управление в свете теоремы Коуза // Вопросы экономики. 2005. № 7. С. 121–135.
8. *Ерзнкян Б.А.* Экологический императив: утопия или необходимость // *Montenegrin Journal of Ecology*. 2014. Vol. 1. No. 2. P. 17–24.
9. *Ерзнкян Б.А.* Эволюция социальных порядков и перспективы экономического развития // Эволюция экономической теории: воспроизводство, технологии, институты. Материалы X международного симпозиума по эволюционной экономике и Методологического семинара по институциональной и эволюционной экономике. СПб.: Алетейя, 2015. С. 108–118.
10. *Ерзнкян Б.А.* Институциональное усиление: три типа отношений // Журнал институциональных исследований. 2017. Т. 9. № 1. С. 27–38.
11. *Лившиц В.Н.* Системный анализ рыночного реформирования нестационарной экономики России, 1992–2013. М.: ЛЕНАНД, 2013.
12. *Моисеев Н.Н.* Судьба цивилизации. Путь разума. М.: МНЭПУ, 1998.
13. *Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд. Института Гайдара, 2011.
14. *Норт Д., Уоллис Дж., Уэбб С., Вайнгаст Б.* В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
15. *Стиглиц Дж.* Quis custodiet ipsos custodies? Неудачи корпоративного управления при переходе к рынку // Экономическая наука современной России. 2001. № 4.
16. *Уильямсон О.И.* Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация. СПб.: Лениздат; CEV Press, 1966. 702 с.

17. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ: Ермак, 2004. 730 с.
18. Ха-Джун Чанг. Как устроена экономика. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018.
19. Acemoglu D. The World Our Grandchildren Will Inherit: The Rights Revolution and Beyond / NBER Working Paper. No. 17994. April 2012. URL: <http://www.nber.org/papers/w17944>.
20. Acemoglu D. Why not a Political Coase Theorem? Social Conflict, Commitment and Politics. NBER Working Paper. No. 9377. December 2002. URL: <http://www.nber.org/papers/w9377>.
21. Keefer Ph., Shirley M.M. From the Ivory Tower to the Corridors of Power: Making Institution Matter for Development Policy, Mimeo, World Bank, 1998.
22. Masten S., Meehan V., Snyder E. The Costs of Organization // Journal of Law, Economics and Organization. 1991. Vol. 7. P. 1–27.
23. North D.C., Wallis J.J., Webb S.B., Weingast B.R. Limited Access Orders: An Introduction to the Conceptual Framework. June 14, 2010.
24. Rapaczynski A. The Roles of the State and the Market in Establishing Property Rights // Journal of Economic Perspectives. 1996. Vol. 10. No. 1.
25. Skinner B.F. Science and Human Behavior. N.Y.: Macmillan, 1953.
26. Williamson O. Comparative Economic Organization: The Analysis of Discrete Structural Alternatives // Administrative Science Quarterly. 1991. Vol. 36. P. 269–296.

Yerznkyan B.H., Avetisyan A.G., Avetisyan G.A.
INSITUTIONAL SYSTEM OF MODERN ARMENIA: PROBLEMS AND
PROSPECTS OF ITS REINFORCEMENT

The institutional environment, or system, of modern Armenia is characterized by many features inherent in transition economies, including a variety of institutional traps. At the same time, the presence of such a factor as a numerous and influential diaspora, scattered throughout the world, gives an internal institutional system an external dimension that can significantly affect the development of the system itself. The vector of this influence and the degree of its intensity can vary – from passive to active. The radical institutional changes taking place in the country as a result of the “velvet revolution” are encouraging, despite all the fears, of reforming the institutional system towards building open access orders with a high level of trust, minimizing transaction costs, activizing the potential of the diaspora as an effective factor of institutional reinforcement.

Keywords: institutional system, social orders, institutional reinforcement, trust, transaction costs, diaspora, development prospects, Armenia.

JEL Classification: E52, E58, G21, O16, O23, P51.